

ПЕРСИДСКИЕ ЛИРИКИ

Х -ХV вв.

Сборник
Персидские лирики X–XV вв.

«Знакъ»

1916

Сборник

Персидские лирики X–XV вв. / Сборник — «Знакъ», 1916

Книга повторяет издание 1916 года, где тексты персидских поэтов даны в переводах Ф.Е. Корша и И.П. Умова. В книге не ставилась задача представить поэзию Персии во всей её полноте и многообразии, однако читатель вполне может получить общее впечатление о персидской лирике классического периода X–XV веков.

© Сборник, 1916

© Знакъ, 1916

Содержание

Введение	6
Абу-Сеид Ибн-Абиль-Хейр Хорасанский (967 – 1049)	10
Четверостишия	10
Абу-Али Ибн-Сина (Авиценна) (980-1037)	13
Четверостишия	13
Омар Хайям (ок. 1048–1123)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Персидские лирики X–XV вв. в переводах Ф.Е. Корша и И.П. Умова

Художник Виктор Меркушев

Печатается по изданию:
Персидские лирики X–XV вв.

Москва, Издание М. и С. Сабашниковых, 1916.

Тексты приведены в соответствии с современными нормами орфографии и даются с небольшими сокращениями, касающимися биографических сведений об авторах, изложенных во вступительной статье А. Крымского

Введение (От редактора издания 1916 года)

Гете однажды сказал: „Персы из всех своих поэтов, за пять столетий, признали достойными только семерых;—а ведь и среди прочих, забракованных ими, многие будут почище меня!”

Седмерица поэтов, про которую говорит Гете, есть плод недоразумения, есть некоторая историко-литературная неточность. Ответствен за неточность, положим, не сам Гете, а его востоковедный авторитет Иос. фон Хаммер, автор немецкого перевода „Дивана” Хафиза, — того немецкого перевода, который послужил старому Гете материалом для его собственного, очень известного сборника „Westostlicher Diwan”. Хаммер, преклоняясь перед излюбленным у всех народов числом „7”, решил соединить семь наиболее ему понравившихся крупных персидских поэтов в отборное „седмерицное ожерелье”, в „семизвездие на небе персидской поэзии”. В эту Хаммеровскую седмерицу вошли поэты X–XV вв., т. е. классического периода: автор „Книги царей” Фирдоуси, романтический повествователь Низами, панегирист Энвери, вдохновенный мистик Джелаледдин Руми, мудрый моралист Саади, нежный лирик Хафиз, разносторонний Джамии. Всех других крупных поэтов Ирана X–XV вв., Хаммер не включил в свою „седмерицу”, — и среди исключенных оказываются, например, пессимист-философ Хайям, мудрец-пантеист Аттар, лирик и эпик Хосров Дехлиийский, певец единой мировой религии Фейзи и еще многие другие, перед талантом которых Гете, с полным правом, мог преклониться. Персы, однако, такого „семизвездия на небе своей поэзии” абсолютно не знают, и те стихотворные таланты, которыми восхищался Гете, вовсе не относятся к разряду „забракованных персами”. Тем не менее, при всей историко-литературной неточности, замечание „великого старца” Гете не перестает быть характерным. Характерным и высокопоучительным остается тот факт, что Гете усматривал в персидской литературе непомерное богатство первоклассных талантов.

Издаваемая книжка переводов академика Ф. Е. Корша очень необъемиста. Уж из этого одного ясно, что она вовсе не притязает исчерпать всю литературу персов или, хотя бы, только лирическую их поэзию. Всесторонняя персидская антология должна была бы составить, по меньшей мере, огромный, убористый том, может быть даже два убористых тома. А этот сборничек стихотворных переводов служит для другой, более скромной задачи: пусть из чрезвычайно богатой персидской поэзии будет предложено русской публике несколько блестящих, — и только!

Не надо также думать, что предлагаемые образцы — это сплошь отборные жемчужины персидской лирики, сплошь наиболее типичные образцы из нее. Надо считаться с историей возникновения и появления переводов акад. Ф. Е. Корша. Первоначально все они предназначались для моей трехтомной „Истории Персии и ее литературы”, где впервые и были изданы, в своем стихотворном виде, среди многих моих научно-прозаических переводов, освещающих персидскую литературу с достаточной равномерностью. Мастерские стихотворные переводы акад. Ф. Е. Корша оказывались тогда лишь добавкою, лишь очень ценным украшением моей „Истории Персии и ее литературы”, но и речи тогда не могло быть о том, чтобы они исчерпывали всю суть персидской поэзии: этого и не требовалось. Теперь, когда все стихотворные его переводы извлекаются отдельно и издаются в виде особого, самостоятельного сборника, предназначенного не для иранистов, а для широкой публики, приходится уж прямо подчеркнуть, что не все, чем занимался эрудитный академик, является самым популярным и самым типичным для персидской лирики, и не все, что переводил он из того или другого поэта, есть самое лучшее и характерное в творчестве того поэта. Ф. Е. Корш, останавливаясь на

каком-нибудь персидском стихотворении, иногда исходил не из эстетических соображений, а из интересов чисто научных, историко-литературных, не всегда совпадающих с эстетическими. Этого ограничения нельзя, конечно, высказать про его переводы из Саади и Хафиза, корифеев персидской лирики: то, что из них перевел Ф. Е. Корш, является достаточно характерным для творчества Саади и Хафиза и увлекательным для самого широкого круга читателей. Но, например, из Джелялеddина Руми переведены Ф. Е. Коршем не знаменитые „газели” Джелялеddина (из них ни одна не остановила на себе внимания Корша), а в изобилии переведены „четверостишия”, т. е. тот отдел Джелялеddиновской поэзии, который для Джелялеddина совсем не типичен и, вполне вероятно, даже не весь принадлежит ему. Ведь немалая часть „четверостиший”, приписываемых Джелялеddину, оказывается и у более раннего Хайяма, и у более поздних пессимистов-моралистов: это так называемые „странствующие четверостишия”, в авторстве которых иранистика до сих пор не разобралась. Акад. Корш заинтересовался Джелялеddиновскими „четверостишиями” вполне как филолог: они малоизвестны европейцам, даже почти неизвестны, а между тем они могут служить материалом для уяснения состава дивана замечательного поэта Хайяма. Хайям – самый знаменитый в настоящее время из старых персидских поэтов; он – кумир англичан и американцев; но до сих пор не выяснено с точностью, какие же из приписываемых ему стихов действительно составлены им самим и отражают его подлинный образ мыслей, а какие – приписаны ему впоследствии и могут бросать совсем ложный свет на его мировоззрение. Чем больше будет опубликовано всяких „странствующих” четверостиший, ходящих под всевозможными авторскими именами, тем больше будет дано материала для решения вопроса о подлинном, не фальсифицированном мировоззрении Хайяма. Переводом четверостиший, приписываемых Джелялеddину Руми, Ф. Е. Корш и думал увеличить число исторических данных для решения т. н. „Хайямовского вопроса”. Всякий русский филолог-иранист, конечно, скажет переводчику спасибо. Но будут ли Джелялеddиновские четверостишия также интересны для среднего читателя-неспециалиста, как они интересны для специалиста, об этом переводчик не спрашивал себя.

Переводов из самого Хайяма акад. Корш не дал никаких.

При отсутствии таких переводов в ныне издаваемой книге „Персидских лириков”, обыкновенный русский читатель рисковал бы окончательно ослабить свой интерес к переводам Джелялеddиновских четверостиший: они, сами по себе, без предварительного знакомства с четверостишиями Хайяма, очень ведь многое теряют. Кроме того, отсутствие переводов из Хайяма в нынешнем издании составило бы вообще значительный пробел – и литературно-исторический, и эстетический; читатель не получил бы надлежащего, цельного впечатления от общей картины персидской лирики. Чтобы устранить этот недостаток, я счел нужным вставить в редактируемое мною издание переводы из Хайяма, которые изготавил И. П. Умов, общий ученик мой и академика Ф. Е. Корша. Имея перед собою, в переводе И. П. Умова, важнейшие четверостишия Хайяма, русский читатель оценит уж надлежащим образом и четверостишия, приписываемые Джелялеddину, и четверостишия Хайямовых предшественников – ибн-Сины и Абу-Сеида Хорасанского, и вообще поймет всю важность и ценность этого литературного жанра.

Нельзя, конечно, отрицать, что, включая в сборник переводов, сделанных одним лицом, переводы другого лица, я несколько нарушаю единство переводческого стиля. Но что общая картина персидской поэзии много выиграет от включения в нее образцов из великого Хайяма, равно как много выиграет читающая русская публика, об этом и спорить не приходится.

В конце концов, какие бы оговорки ни пришлось делать про состав ныне издаваемой книги, про некоторую ее неполноту, все-таки можно надеяться, что русский читатель получит очень недурное общее впечатление от персидской лирики классического периода, т. е. X–XIV в.

II. Чтобы верно постигать классическую персидскую лирическую поэзию, надо всегда помнить, что она вся обвееяна т. н. суфийством. Суфийство – это мусульманский мистицизм с пантеистической окраской. Происхождение он имеет частью буддийское, частью христианско-неоплатоническое (через греческую философскую литературу, переведенную при халифах). Персидская лирика полна пантеистических воззрений. Да кроме того, она имеет свой особый, условный аллегорический язык, вроде того, который христиане усматривают в ветхозаветной библейской „Песни Песней”.

Мир, по воззрению суфиев, есть истечение, эманация Божества, и, в своем кажущемся разнообразии, он имеет лишь призрачное существование. Мир и Бог – единое. Человек – капля из океана Божества. К призрачному здешнему миру привязываться не стоит, тем более, что он – сплошная юдоль страданий. Можно веселиться в этом мире, наслаждаясь отдельным случайным моментом; но гораздо лучше – не привязываться к наслаждению, и вместо того убить свое „я», умертвить свою плоть, заживо приблизиться к Всеединому, чтобы потонуть в Нем, слиться с Ним, расплыться словно капля в океане. Стремление к Божеству, тяготение к экстатическому единению с Ним, суфии сравнивают с любовью к милой или к другу, с опьянением и т. п., и оттого их поэзия сверх философско-пессимистических идей воспекает и мистическую гедонику. Таким образом, поэт восхваляет, например, весну, сад, пириество, изящного виночерпия, дорогую подругу, – а на деле все это означает мистическое стремление души аскета-созерцателя к единению с Богом. Поэт лирически тоскует, почему милая подруга жестокосерда и не обращает внимания на своего ухаживателя, – а на деле это подвижник стонет, почему у него долго нет мистического наития и экстаза.

Возможно, что у европейского читателя возникнет вопрос: „А что, у персов нет обыкновенной, буквальной, немистической поэзии? Разве нет у них поэзии, которая без всякой индизказательности воспекала бы подлинную, общечеловеческую любовь, подлинную красу природы, подлинное веселье?!”

Придется ответить: пожалуй, что такой поэзии в персидской литературе и нет. Не осталось. В X веке литературный обычай еще вполне допускал неподдельную эротику, неподдельную гедонику, но потом постепенно установился в литературе довольно лицемерный обычай – писать о немистической человеческой лирической жизни так, чтобы стихи не шокировали святых людей. Писать – так, чтобы люди набожные могли понимать даже самую грешную гедонику и чувственность, как аллегорию, как высокую набожность, выраженную в мистической форме. Состоялась и обратная сделка: святые люди, или поэты безусловно мистические, желая, чтобы их произведения нравились светски настроенным меценатам, старались писать реально и не строили очень насильственных аллегорий. Следствием такого обычая явилось то, что мы теперь часто не можем определить, к а к надо понимать того или другого поэта, – тем более, что сами суфии всех легко зачисляют в свои ряды. И особенное разногласие существует по отношению к шейху суфиев Хафизу, царю лирической газели XIV века, величайшему лирику-анакреонтику Персии. Ни широкая публика, ни ученые не могут сговориться: с мистическим или не с мистическим настроением написана та или другая его любовная или вакхическая газель?

Вероятно, такой вопрос навеки останется неразрешенным.

С одной стороны, спокойное положение Шираза, который мало пострадал от монголов в XIII веке в силу умной политики его атабеков и который недурно устроился и в XIV веке, благоприятствовало восхвалению радостей жизни. Хафиз в своей молодости, возможно, с полной реальностью испытал все то, о чем гедонически поют его газели. Но, надо полагать, он и в молодости, следуя моде, писал так, чтобы его песни подлинной любви и наслаждений не производили неприятного впечатления на религиозно-суфийского читателя. С другой стороны, в старости, когда Хафиз был суфийским шейхом и когда его душа могла лежать только к

аскетизму и к гедонике строго мистической, он, вероятно, пользовался впечатлениями молодости и потому писал очень реально.

Во всяком случае отметить надо тот факт, что в то время, как суфии (и многие ориенталисты) считают Хафиза чистым мистиком, стихи Хафиза распеваются в народе как любовные песни. Очевидно, подобную же мерку придется приложить и к стихам Хайяма, и к Джеледдиновым четверостишиям, и к газелям Саади. Подлинная эротика и подлинный вакхизм, мистическая эротика и мистический вакхизм – слились в персидской литературе в нераспутываемый клубок.

Европейскому читателю, не историку литературы, при чтении персидской лирики, пожалуй, удобнее всего будет руководиться правилом одного из критических издателей дивана Хафиза: „Встречая у Хафиза прекрасное и глубоко-прочувствованное, мы имеем полное право понимать его по законам прекрасного и истинного, какие бы аллегорические толкования ни давали ему комментаторы”.

Проф. А. Крымский

Абу-Сеид Ибн-Абиль-Хейр Хорасанский (967 – 1049)

Четверостишия

1.

Печаль, что душу мне терзает – вот она!
Любовь, что всех врачей смущает – вот она!
Та боль, что в слезы кровь мешает – вот она!
Та ночь, что вечно день скрывает – вот она!

2.

Просил лекарства я от скрытого недуга.
Врач молвил: „Для всего замолкни кроме друга”. —
„Что пища?” – я спросил. – „Кровь сердца”, был ответ.
„Что бросить следует?” — „И тот и этот свет”.

3.

Твой дух почуяла душа в струе зефира
И, кинув здесь меня, сама по дебрям мира
Пошла тебя искать; а тело в стороне.
Твой дух она себе усвоила вполне.

4.

О Господи, открой мне путь к подруге милой,
Дозволь, чтоб долетел к ней голос мой унылый,
Чтоб та, в разлуке с кем не знаю ясных дней,
Была со мною вновь, и я бы вновь был с ней.

5.

Не осуждай, мулла, мое к вину влечение,

Мое пристрастие к любви и кутежу:
Я в трезвости веду с чужими лишь общенье,
А пьяный милую в объятиях держу.

6.

Бди ночью: в ночь для тайн любовники все в сборе
Вкруг дома, где – их друг, носясь, как рой теней.
Все двери в те часы бывают на запоре,
Лишь друга дверь одна открыта для гостей.

7.

В те дни, когда союз любви меж нас бесспорен,
Блаженство райское бывает мне смешно.
Когда бы без тебя и рай мне был отворен,
Мне было бы в раю и скучно и темно.

8.

Грехи мои числом – что капли дождевые,
И стыдно было мне за грешное житье.
Вдруг голос прозвучал: „Брось помыслы пустые!
Ты дело делаешь свое, а Мы – свое”.

9.

К познанию Божества прямым путем идущий
Чуждается себя и в Боге весь живет.
Себя не признавай! верь: Бог един есть сущий!
„Божествен только Бог” к тому же нас зовет.

Абу-Али Ибн-Сина (Авиценна) (980-1037)

Четверостишия

1.

С кружком двух-трех глупцов, по этой лишь причине
В себе прозревших цвет премудрости земной,
С ослами этими в ослиной будь личине:
Не то ты еретик и грешник записной.

2.

Мой ум, хоть странствовал не мало в мире этом,
Ни в волос не проник, а волны рассекал.
Солнц тысяча в уме сияет ярким светом,
Но строя атома я все же не познал.

3.

От пропастей земли до высей небосклона
Вопросы бытия я все решил вполне;
Сдавалась каждая мне хитрость и препона,
Все тайны я раскрыл, лишь смерть темна и мне.

4.

О, если бы я знал, кто я и что такое
И вслед за чем кружусь на свете как шальной!
Мне счастье ль суждено? тогда б я жил в покое,
А если нет, тогда б я слезы лил рекой.

Омар Хайям (ок. 1048–1123)

Переводы из Хайяма принадлежат И. П. Умову, ученику акад. Ф.Е. Корша.

1.

От жилищ неверья лишь одно мгновенье
К знанию вершин;
И от тьмы сомненья к свету уверенья
Только миг один.

Познавай же сладость – краткой жизни радость
В мимолетный час:
Жизни всей значенье – только дуновенье,
Только миг для нас.

2.

Нам говорят, что в куцах рая
Мы дивных гурий обойдем,
Себя блаженно услаждая
Чистейшим медом и вином.

О, если то самим Предвечным
В святом раю разрешено,
То можно ль в мире скоротечном
Забыть красавиц и вино?

3.

Я возьму бокал шипящий,
Полный дара юных лоз,
И упьюсь до исступленья,
До безумья пылких грез.

Вам раскрою я, сгорая,
Целый мир чудес тогда;
И польется речь живая,
Как текучая вода.

4.

Родился я... Но от того
Вселенной – пользы нет.
Умру, – и в славе ничего
Не выиграет свет.

И я доныне, не слыхал,
Увы, ни от кого,
Зачем я жил, зачем страдал
И сгину для чего.

5.

Я буду пить, умру без страха
И хмельный лягу под землей,
И аромат вина – из праха
Взойдет и станет надо мной.

Придет к могиле опьяненный
И запах старого вина
Вдохнет, – и вдруг, как пораженный,
Падет, упившись допьяна.

6.

Мы умрем, а мир наш будет
В небе странствовать всегда;
Мы ж по смерти не оставим
Здесь ни знака, ни следа.

Мы не жили во вселенной, —
Мир вращался и тогда.
И без нас – ему не будет
Ни ущерба, ни вреда.

7.

Я дышу юных сил обаяньем
И блистаю тюльпана красой;

Строен стан мой, исполнен желаньем,
Как в саду кипарис молодой.

Но увы! Никому неизвестно,
Для чего, преисполнив огня,
Мой Художник Всевышний чудесно
Разукрасил для тленья меня?

8.

Суждено тебе, о сердце,
Вечно кровью обливаться
Суждено твоим терзаньям
Скорбью горькою сменяться.

О, душа моя! зачем же
В это тело ты вселилась? —
Иль затем, чтоб в час кончины
Безвозвратно удалилась?!

9.

Книга юности закрыта,
Вся, увы, уж прочтена.
И окончилась навеки
Ясной радости весна.

И когда же прилетала
И к отлету собралась
Птица чудная, что сладко
„Чистой юностью” звалась?!

10.

Промчались жизни беззаботной
Дни, роком данные в удел.
Как будто ветер мимолетный
По полю жизни пролетел.

О чем скорбеть? – Клянусь дыханьем
Есть в жизни два ничтожных дня:
День, ставший мне воспоминаньем,

И – не наставший для меня.

11.

Я сам с собой в борьбе, в смятенье,
Всегда, всегда!
Что делать мне? За преступленья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.